

Афонские рассказы

Станислав Сенькин

**Украденные мощи.
Афонские рассказы**

«Автор»

2007

Сенькин С. Л.

Украденные мощи. Афонские рассказы / С. Л. Сенькин —
«Автор», 2007 — (Афонские рассказы)

ISBN 5-98574-020-X

Все представленные ниже рассказы объединены одной темой. Этой темой является Святая гора Афон. Когда православный человек вспоминает Святую гору, его сердце переполняется благоговейными эмоциями. Каждый хоть один раз мечтает совершить паломничество на Святую гору и увезти оттуда вместе с привычными сувенирами часть неповторимой афонской духовности.

ISBN 5-98574-020-X

© Сенькин С. Л., 2007
© Автор, 2007

Содержание

Предисловие автора	6
Тяжелый характер	7
Плыви в направлении ветра	13
Украденные моши	18
Илья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Станислав Сенькин

Украденные мощи. Афонские рассказы

© Станислав Сенькин, текст – 2007 г.
© Владимир Артёмов, фотографии – 2007 г.
© Илья Соколов, оформление – 2007 г.
© Крестовоздвиженское православное братство, издательские права – 2007 г.
© Издательство «Артос Медиа», составление, редакционная подготовка, дизайн – 2007 г.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Все описанное в этой книге основано на реальных событиях, но сами рассказы нельзя читать как документальные. Они являются художественным вымыслом. Все совпадения с названиями монастырей, именами людей, ныне живущих или уже усопших, – случайны.

Посвящается архимандриту † Ипполиту

Предисловие автора

Все представленные ниже рассказы объединены одной темой. Этой темой является Святая гора Афон. Когда православный человек вспоминает Святую гору, его сердце переполняется благоговейными эмоциями. Каждый хоть один раз мечтает совершить паломничество на Святую гору и увезти оттуда вместе с привычными сувенирами часть неповторимой афонской духовности.

Могу вас уверить, для русского человека Афон еще важнее, чем даже для грека. Если для греческого народа он часть их истории и культуры, то для русского, может быть, еще и по причине его отдаленности от нашей родины, Афон символизирует некое «второе небо», священное пространство, где обитают святые. Этот идеал дает православным людям уверенность, что земля еще держится, раз Афон еще не ушел под воду. И в этом не только духовное, но и социальное значение Святой горы.

Мне бы не хотелось разочаровывать читателя своим восприятием Афона, я не буду говорить о созерцательности святых и о многих духовных вещах. В общем-то, сам я не духовный человек Кому-то мои рассказы могут показаться приземленными, но для меня принципиально важна та идея, что Афон – это место обитания не только святых, но и многих других людей, чьи, может быть, грубые, недостатки не позволяют увидеть великое богатство их духа.

Если мы описываем лишь святых Афона, мы делаем его портрет неполным. Каждый монах, даже пусть и нерадивый, каждый паломник, вступающий на святую землю, становится частью этой святой земли. Она занимает уголок в его сердце, а его имя навсегда записывается где-то на невидимых хартиях святогорской истории.

Для меня Афон является некоей законченной полнотой, и все его несовершенства загадочным образом влекут все целое к гармонии. Поэтому я не хотел ретушировать Святую гору, как старую красавицу, нанося грим на участки поврежденной кожи. Это было бы неправильно – выставлять Святую гору перед вами, как пожилую леди перед судьями, которые скрупулезно разглядывали бы, сохранилась ли в ней часть той духовной красоты, что вдохновляла на подвиги многих монахов других поколений.

С другой стороны, мне не хотелось бы, в угоду времени, обнажать все неприглядные детали, которые, если их умело подать, могут вызвать отвращение.

Основной моей целью было донести ту правдивую динамику афонской жизни, которая со временем превращается в историю, а история уже налагает свой отпечаток на отвердевшее прошлое.

Сам Афон ни в коем случае не стыдится своей истории, потому что он ни в чем не нуждается – ни в одобрении людском, ни в порицании. Как настоящий монах, он не зависит от мнений всего мира. Вот только мы сами нуждаемся в нем. Нуждаемся в его молитве, в том, чтобы он вообще был на нашей грешной земле.

Мой Афон – это сообщество святых, праведников, нерадивых монахов, паломников, рабочих, праздношатающихся верхоглядов и ищущих истину, добровольных нищих и даже воров и преступников. Все они составляют некое сообщество, в котором Дух Святой управляет все к общему благу.

Молюсь Матери Божьей и прошу Ее, чтобы все написанное послужило на благо как читателям, так и автору.

Тяжелый характер

– Если бы люди на большой земле знали, как труден и скорбен путь афонского монаха, никто бы тогда не шел подвизаться, но если бы все, хотя бы на минуту, ощутили блаженство, ожидающее воинов Христовых после смерти, наверное, не осталось бы на земле людей, которые не захотели бы стать монахами, – Григорий всегда повторял про себя это изречение одного великого старца, когда наступала пора искушений. А искушения приходили довольно-таки часто. Он принял монашество сравнительно недавно – два года назад, был еще молод и обладал достаточно жестким и весьма неприятным для окружающих характером. Григорий родился в Афинах и был единственным ребенком своих богатых родителей, которые в свое время избавляли его донельзя. Сейчас это все выходило ему боком.

Отцы чувствовали железное сердце Григория и старались смягчить его всевозможными колкостями, причиняя молодому монаху при этом огромные душевые мучения. Почти с завистью глядел он на тех послушников, которые были кроткими в общении и смирялись под игом послушания. Для Григория же любое слово, сказанное повелительным тоном, превращалось в бич, которым его загоняли, как какого-то паршивого мула в стойло.

– Отец! Живо пойди и отнеси эту муку на склад! – пожилой монах Гервасий был в монастыре келарем уже пятнадцать лет, и Григорий, по постановлению собора старцев, находился этот год у него в послушании. Раз в две недели они вместе ездили в Салоники за продуктами, при этом часто ссорясь, как и сейчас.

– Отец Гервасий, можно говорить со мной немного повежливей, я уже знаю, что эту муку нужно на склад. Необязательно говорить со мною в таком тоне.

Когда Григорий начинал выстраивать свою психологическую оборону, старый монах обычно замолкал – такова была его стратегия. Но уже через пять минут, когда конфликт казался исчерпанным, Гервасий снова принимал привычный стиль общения, и Григорию оставалось только смиряться.

– Ты что, не видишь, как ты просыпал крупу?! Возьми веник и аккуратно замети ее – бережливость одна из главных добродетелей монаха, – старый монах указал на горстку гречки, лежащей на дне салона микроавтобуса, новенького «мерседеса», на котором ониправляли свое послушание. – Вон там, рядом с ящиком помидоров, – он театрально покачал головой. – Эх ты! Сколько тебя можно учить?

– Да где там что просыпалось, отец?! Это всего лишь шелуха из мешка – буду мыть машину, тогда и вымету отсюда всю грязь.

– Я тебе сказал, выполний послушание – выметай ее сейчас же и не вздумай выбрасывать эту гречку в мусорный бак, а засыпь ее обратно в мешок. Когда ты научишься жить по-монашески?! Монах должен быть бережливым.

– Да хватит меня уже смирять, отец! – Григорию казалось крайне унизительным выполнять, как ему казалось, нелепые приказания старого монаха. – Тебе ведь не столько важна эта гречка, сколько ты хочешь поддеть меня. Но если, как вы говорите, я такой гордый, зачем вы, зная все это, продолжаете мучить меня своими нападками!

– Ой-ой, сколько пререканий на одно маленькое замечание. Иди отдохай, Григорий! Я сам все сделаю. Иди с Богом, – Гервасий попытался улыбнуться и пошел на кухню за веником.

«Опять я оказываюсь в дураках, а Гервасий чуть ли не святой! Если бы он ничего не говорил мне, было бы все нормально. А сейчас у меня нет душевного мира, теперь весь день стану об этой стычке думать и переживать. Уж лучше уйду в пустыню, буду жить один», – Григорий пошел в свою келью и, присев на кровать, достал свои четки и начал усердно молиться. Но молитва почему-то не шла. – «А как же другие все переносят?» – Григорий даже не представлял себе, как эти святые мужи из патериков выносили сильнейшие оскорблении и униже-

ния с улыбкой на лице, да еще и молились со слезами за своих обидчиков. Возможно ли это? Объемистые книги патериков и житий святых значили для него одну из двух вещей: либо он сам настолько слаб, что не может повторить и сотой доли того, что переживали эти великие отцы, либо их жизнеописатели несколько преувеличивали.

Молодой неопытный монах решил обратиться по этому вопросу к духовнику обители – почтенному старцу Евфимию, поделиться своими сомнениями и получить взамен вразумление и добрый совет.

После окончания вечерни он договорился с ним о беседе и, выстраивая в уме предстоящий диалог, пошел на трапезу…

– Что ты хотел спросить у меня? – отец Евфимий был очень добрым, благообразным и рассудительным монахом. Его любили все, и слово его редко кто осмеливался нарушить. Сейчас они, после повечерия, стояли на левом клиросе в соседних стасидиях и беседовали.

– Я не могу понять, почему Господь призвал меня в монахи? Как ни стараюсь я смирить себя, ничего у меня не выходит. Даже на маленькие замечания я реагирую нетерпеливо, а иногда даже и злобно. С таким характером, как у меня, можно жить только в пустыне, подобно дикому зверю. Пусть я никого не трогаю, и меня пусть никто не трогает. А иначе, отче, я больше не могу – сердце мое изнемогает от постоянных обид. Я понимаю, что это неправильно, но ничего не могу с этим поделать.

Отец Евфимий подумал немного и размеренно, как бы вкрадчиво, начал свое вразумление:

– Ты понимаешь, какое дело, Григорий, смирение и кротость – добродетели разного порядка. Кротким может быть не каждый. И даже, я тебе скажу, далеко не каждый. А вот смириться под силу вся кому человеку.

– Да, но ведь смирение – это именно краткое перенесение обид без какой-нибудь потери душевного мира. А я и обид не переношу, и душевный мир теряю. Какое же тут смирение!

Отец Евфимий продолжил:

– То смирение, о котором ты говоришь, это дар Божий и признак святости. Человеческими силами такое смирение не стяжать. Мы можем только своими делами показать Богу свое произволение и желание придти в такое состояние, а уж только от Него зависит, кому раздавать Свои благодатные дары. Но, помимо смирения-дары, есть еще и смирение-делание, когда мы приижаем себя как в собственных глазах, так и в глазах других людей. И даже если ты, Григорий, не можешь смириться с нудными поучениями отца Гервасия, ты можешь, по крайней мере, смириться с тем, что ты никак не можешь с ними смириться.

– Я не силен в таких вещах, отче, – Григорий стал жалобно просить духовника благословить его на пустынножительство. – Там мне будет спокойней – исихия¹. Буду плести четки и есть свой скучный хлеб, молясь Христу в глубокой тишине.

– Понимаешь, какое дело, – отец Евфимий всегда пребывал в каком-то покое, в другом состоянии духа Григорий пока его не видел, – то, что ты осознал свою неспособность к послушанию, – это признак смирения. Но твое стремление в пустыню есть признак уже демонической гордости. Ты хочешь убежать сам от себя, от своей неспособности смиряться.

– От боли!

– Да, и от боли тоже, – духовник вдруг стал говорить еще более вкрадчиво: – Григорий, я хочу открыть тебе одну тайну, но ты должен пообещать, что никто об этом не узнает.

Зaintrigованный монах сразу согласился:

– Конечно, отче, я буду нем, как могила.

¹ Этика-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом через очищение сердца слезами и через сосредоточение сознания в себе самом; для этого была разработана система приёмов психофизического самоконтроля, практика молитвы Иисусовой.

— Так вот, слушай. Недавно мне было от Господа откровение о самых смиренных людях Афонской горы. Увиденное так поразило меня, что я вначале даже усомнился в божественном источнике этого откровения. Но затем все стало на свои места, — отец Евфимий вдруг задумался, словно что-то вспоминая. — Так вот, на вершине этой святой пирамиды стоит отец Богдан — македонец, который живет в Кавсокаливии, в келье великомученика Димитрия Солунского. Я давно его знаю, Григорий, он плетет четки, зарабатывая этим на жизнь. Мне бы хотелось, чтобы ты немного поучился у него настоящему смирению, поэтому я отправлю тебя к нему с одним личным поручением.

— Здорово! — Григорий полностью отошел от своих скорбей и уже представлял себе встречу с самым смиренным афонским подвижником, а может быть, одним из самых смиренных людей мира. Великая благодать!

Духовник вытащил из кармана рясы сто евро и медленно передал деньги Григорию:

— Завтра бери благословение у игумена и поезжай в Кавсокаливию. Скажи отцу Богдану, что я хочу купить у него четверо четок. Теперь иди в келью, уже поздно, — он опять задержал его на мгновенье, взяv за рукав. — Правило-то выполняешь?

— Конечно, все так, как вы мне и назначили: семь четок с поклонами.

— Ну, хорошо, иди, дорогой.

— Благословите, отец! — и Григорий радостно пошел в свою келью, думая о завтрашнем дне.

На следующее утро молодой греческий монах — обладатель скверного характера, получив благословение игумена, сел на паром и отправился в скит Кавсокаливию учиться смирению. Паром плыл вдоль святого полуострова, и монах наслаждался прекрасным видом афонских монастырей и скитов, окруженных зеленою растительностью. Кавсокаливия была последней остановкой, и плыть нужно было еще долго. Григорий заметил одного знакомого сиромаху² — русского монаха, уже целый год ходящего по горе от монастыря к монастырю:

— О! Здравствуй, Николай, как твои дела?

— Очень хорошо, как у тебя? — Николай плохо говорил по-гречески и знал только самые простые фразы.

— Да нормально. Ты сейчас куда?

— В Григориат. А ты куда? — они говорили громко, перекрывая шум ревущего мотора.

— Я в Кавсокаливию к отцу Богдану, знаешь такого?

Николай, похоже, удивился:

— Да кто ж не знает этого злого монаха?

— Злого?! — Григорий подумал о том, как велика зависть диавола. Самого смиренного человека Афона какой-то русский проходимец зовет злодеем. — Молчи уж лучше, Николай, ты уже и сам, как я гляжу, обозлился. Езжай-ка лучше обратно в свою Россию. Что вы все рветесь сюда, как будто у вас там Бога нет??!

Николай, обидевшись, наспех попрощался с ним и отошел в другую сторону парома, а Григорий, уже укоряющий себя за вспыльчивость, погрузился в молитву…

Наконец, паром подошел к последней пристани. Седовласые старцы с мулами, нагруженными всевозможными тюками, молодые послушники с торбами, рабочие и восторженные паломники — все смешались на выходе с катера в одну разнородную толпу. Григорий спросил у одного вежливого схимника, у которого был на удивление спокойный навыченный мул, где тут в скиту находится келья великомуученика Димитрия. Получив исчерпывающий детальный ответ, он улыбнулся, поняв, что отец Богдан достаточно известный монах, а может быть, и

² Сиромашество — особый вид афонского монашества. Представители его не имеют никакого жилища, noctуют часто под открытым небо, питаются сухарями, которые раздают в монастырях для подобных бедняков.

почитаемый старец, – странно, что раньше он ничего о нем не слышал. Поблагодарив схимника и сжав покрепче посох, Григорий стал подниматься по древним каменным ступенькам.

Без труда найдя эту келью, Григорий постоял немного, собираясь с духом, и постучал в дверь с непременной молитвой: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» Никто к двери не подходил, и Григорий повторил свою попытку:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, – он, наконец, услышал шаркающие шаги.

– Кого там лукавый опять принес?! Чего надо?!

Григорий подумал, что таким образом старец скрывает свои добродетели от мира, от таких праздношатающихся верхоглядов, как Николай. Конечно, мир отвечает ему завистью, ненавистью и презрением.

– Я из Ксенофона, монах Григорий. Приехал по поручению отца Евфимия.

– Евфимия? Что этому старику от меня надо? – отец Богдан слегка переждал изумленное молчание, словно молния, разорвав стереотип собеседника новым выпадом: – Чего ты теперь заткнулся?! Я тебя спрашиваю, сынок, что этому старику от меня надо?!

Григорий понял, что так отец Богдан его проверяет на смиренение, и решил терпеть все до конца.

– Он хотел бы приобрести у вас несколько четок, отче!

В ответ наступила короткая пауза. «Перед бурей», – подумал Григорий.

– Четок? Ну ладно, сейчас, подожди, – старец, то и дело разражаясь проклятьями в адрес замка, открыл скрипучие двери. – Заходи быстрей, у меня мало времени.

Григорий посмотрел в лицо отца Богдана: оно было красным, с маленькими злыми глазками, большая нечесаная седая борода окаймляла подбородок, грязные грубые кисти рук теребили сальный подрясник.

– Чего уставился, олух?! – старец резким взмахом связки ключей указал на стол с низенькой скамейкой. – Сядь туда! Лукума у меня нет, если хочешь жрать, вынесу тебе пряники. Ты хочешь жрать?

– Нет-нет, отче, я не голоден.

– Отлично! Воду-можешь набрать вон в том кранике, стакан рядом, сиди тихо, молись, а я пока вынесу товар, – старец зашел в келью и долго шумел, недовольно ругая дьявола, отца Евфимия и его самого весьма сочными выражениями, которые Григорий слышал в Афинах от уличной шпаны уже так давно, что и позабыл, как они звучат. Через десять минут старец, ежесекундно чертыхаясь, вышел, держа в руках связку четок разных цветов и длины. Он бросил эту горсть на стол и грубо спросил:

– Сколько хотел заказать старик Евфимий?

– Четверо четок.

– Так мало? Стоило ли посыпать тебя из-за ерунды в такую даль? Мой тебе совет, малец, держись подальше от этих духовников – от них одна беда. Когда я был молодым послушником, гораздо моложе, чем ты теперь, то есть четырнадцати лет от роду, один известный свято-горский духовник прилюдно возмутился, что такие молодые безусые юноши, как я, спокойно разгуливают по горе, соблазняя монахов. Не выдержав оскорблений, я вцепился ему в бороду и вырвал густой клок волос, – старец при воспоминании об этом инциденте воспламенился гневом; казалось, что краснота его лица перейдет сейчас на бороду и она загорится. – За это меня чуть не упрятали за решетку и удалили с горы, но я вновь пробрался сюда тайно и жил в ущельях и пещерах шесть лет. Как дикий зверь, я выходил ночью на промысел, воруя еду и одежду… Никто не хотел меня принимать в монастырь, потому как на третий день, максимум через неделю, я устраивал в обители жестокую драку. Полицейские так зауважали меня, брат, что при встрече до сих пор отдают честь. Но, как ты уже успел понять, меня, старика, никто не любит. Послушники у меня держатся, самое большее, два часа, – отец Богдан немножко рас-

строился. – Но мне они и не нужны, эти послушники-лентяи, все бы им есть и спать. Смирения у них – ноль, потом только ходят и порочат меня по всему Афону, – отшельник замахнул рукой и смачно выругался. – Сколько раз лаврские старцы хотели выгнать меня отсюда, с горы, с этой кельи, если бы ты знал! А какие подлости вытворял прежний дикей³! О! Тем не менее, я на Афоне вот уже шестьдесят лет, малец, – старец казался гордым, оттого что он все еще живет здесь и, несмотря на преклонный возраст, сам ухаживает за собой. – Ну, ладно, заболтался я с тобой, давай деньги, получай товар и уматывай отсюда, мне пора молиться Богу.

Григорий вытащил сто евро и принял выбор из предложенной ему разноцветной кучи четверо четок для отца Евфимия; он уже почти выбрал самые красивые, когда услышал дикий вопль разгневанного старца:

– А! Подонок! Ты думаешь, что я стар и меня можно так легко обмануть?!

– В чем дело, отец Богдан? У меня и в мыслях не было вас обманывать, – молодой монах уже спрятал свой скверный характер в самую глубину своего сердца, испугавшись дикого гнева старца, способного, по всей видимости, даже дать волю рукам.

– Евфимий хорошо знает, что мои четки стоят сорок евро! Где еще шестьдесят? Решил, видно, припрятать себе! Ну, смотри, я тебя проучу, – старец занес над монахом свой буковый посох так решительно, что Григорий подумал, что он расколет его голову, как орех.

Вспомнив, что у него как раз была заначка в шестьдесят евро, на которую он хотел купить компакт-диски с песнопениями в исполнении хора Ватопедского монастыря, Григорий взмочился:

– Отче, наверное, я все перепутал, деньги здесь, в кармане... – он вытащил несколько мятых купюр, которые старец вырвал из его рук и, смяв, бросил на землю.

– Поздно, брат! Не выкручивайся теперь, как змей, надеясь уйти от справедливой расплаты. Возмездие ворам – мой посох! – старец замахнулся своей дубиной, и Григорий почти распрощался с жизнью.

– Не бейте меня, отче! Я больше не буду воровать.

– Я тебе не верю!

– Обещаю, Богом клянусь!

– Ах! Ты еще, как я погляжу, любитель произносить имя Божие всуе. Так получай же, подлец, – и старец обрушил на привыкшую к поклонам монашескую спину свой тяжелый посох...

После экзекуции Григорий, охая, забрал четки и быстро направился к выходу:

– Спасибо вам, отче, за науку.

– Не язви, а то опять схлопочешь. А Евфимию передай, чтобы никого больше ко мне не присыпал, я уже, кажется, говорил ему об этом. А то мне придется лично прийти к нему и все объяснить, – старец стал руками подталкивать Григория к дверям. – Давай-давай! Не пытайся меня разжалобить, не на того напал.

– А что, я уже не первый, кого посыпает отец Евфимий? – задал тот свой последний вопрос.

– За последние десять лет ты уже, кажется, шестой, – отец Богдан уже закрывал дверь. – Да, и еще! Если ты когда-нибудь увидишь меня на пароме, в Карьесе или Дафни, не вздумай ко мне подходить, здороваться или брать благословение – проучу так, что будешь вечным посмешищем. Все, проваливай!

Григорий, кряхтя от боли, пошел в скитскую гостеприимницу. Архондариный⁴ ласково принял его, угостил обедом и спросил:

– Что, был у старика Богдана?

– Да, а как вы узнали? – проученный монах с удивлением посмотрел на архондариичного.

³ Выборный начальник скита.

⁴ Ответственный за монастырскую гостиницу.

— Это достаточно легко, отец. Не переживай, я все прекрасно понимаю. Сколько лет мы хотим приструнить этого бесчинника. Прежний дикей чуть не добился своей цели, но игумен лавры сказал, пусть уже этот злобный старик доживает век в своей келье, и благословил его причащаться в нашем Кафоликоне. Так что мы терпим его каждое воскресенье, можешь себе представить?

На следующий день Григорий сел на паром и поехал в монастырь. Прибыв в родные стены, он сразу пошел к духовнику за объяснениями.

Отец Евфимий отдыхал в своей келье, когда он пришел к нему. Услышав молитву, духовник открыл свою дверь и неожиданно сделал перед Григорием земной поклон. Монаху стало неловко, и он подивился как мудрости, так и смирению монастырского духовника. Затем старец пригласил его войти:

— Григорий, прости меня...

— Нет-нет, отче, это был для меня хороший урок. Я только хочу вашего разъяснения, — взял иерейское благословение и передав ему купленные четки, он замер в ожидании ответа.

Духовник протянул Григорию синюю бумажку в двадцать евро и отдал одни из четок отца Богдана:

— Возьми эти чудесные четки, отец. И когда будешь по ним молиться, помни, что отец Богдан уже шестьдесят лет живет и мирится со своим жутким характером. Несмотря ни на что, он живет на Афоне и молится Богу. А ты, имея уж куда более покладистый характер, через два года приходишь в уныние. Имей ты хоть сотую часть смирения отца Богдана, ты бы терпел собственные недостатки так же легко, словно бы они были чужими. Так что, дерзай.

Григорий опустил голову, теперь ему стал ясен смысл урока.

Плыви в направлении ветра

Одного лишь хотел сегодня старый Димитрис: наловить побольше рыбки, чтоб подкрепить свои увядшие душевые силы. Он любил рыбалку больше жизни и быстро хирел, когда сидел в своей квартире в Салониках, как в коробке из-под конфет, тая от жары и скуки. Рыбак со стажем, Димитрис прекрасно знал море, все его капризы и легко читал знамения небес, с удивительной точностью определяя погоду на следующий день. Он не был очень верующим человеком, но, как и некоторые другие греческие рыбаки, заходил в храм перед каждым выходом в море и ставил свечу святому Иоанну Предтече – покровителю мореплавателей. Креститель Господень заведовал всеми морскими делами, давал попутный ветер, хорошую или плохую погоду, а также удачный улов рыбакам. Еще, по совету священника папы Костаса, Димитрис ставил свечи Николаю Чудотворцу и святому Фоке.

Однажды он даже видел в утреннем тумане святого Фоку, как его живописуют на иконах, в митре и полном святительском облачении. Святитель смело ходил по водам на расстоянии ста метров от катера и посохом указал ему путь к берегу. Димитрис старался об этом никому не рассказывать, так как боялся насмешек со стороны друзей – видавших виды, просоленных рыбаков, не веривших ни во что, кроме моря и удачи. Но его простая душа все же тянулась к познанию духовных вещей. Приятно чувствовать, что ты в море не один и тебя непрестанно охраняют невидимые святые силы. С такой верой ты и сам становишься сильней.

Два месяца назад Димитриса пригласили на святую гору Афон, чтобы он обучил молодых монахов рыбной ловле. Ему нравился Афон, здесь было тихо, и он мог отдохнуть от своей старухи, которая, правда, часто звонила ему на мобильник, осведомляясь о его здоровье и докладывая о личной жизни их соседей.

Монастырь святого Павла, в котором сейчас жил старик, был самым крайним на западной стороне полуострова, ему на юге горы принадлежало больше всего земли после Великой лавры. Примерно с этого места начинается подъем на саму гору Афон. Старцы говорят, что отсюда начинается так называемый алтарь Святой горы. Самые великие отшельники и подвижники жили в этих горных лесах, до сих пор хранящих множество тайн и загадок, оставленных святыми. И разгадать их может только тот, кто изучит науку послушания и поймет язык молитвы.

Димитрису Афон напоминал маленькую страну с городами-монастырями, селами-скиптами и небольшими хуторами одиноких келий. Казалось, что Святая гора даже не родная Греция, а нечто большее молитвенный центр всего мира. Конечно, старик мало разбирался в духовных вещах, но зато чувствовал особенность святой земли своим добрым сердцем и целовал стены монастырских храмов от внезапно находящего умиротворения. Здесь неподалеку на монастырской земле находился Неоскит, а остальной алтарь Святой горы принадлежал Великой лавре.

Как гласит святогорское предание, два знаменитых игумена Афанасий Великий и Павел Ксиропотамский решили поделить землю возле самой горы и никак не могли договориться о границах. Споры шли долгое время, и, наконец, святой Афанасий предложил своеобразный выход из положения. Они со святым Павлом договорились, что оба после завершения литургии, каждый в своем монастыре, пойдут навстречу друг другу. На месте их встречи и будет новая граница, установленная на веки вечные.

Как рассказывают некоторые старцы, Афанасий закончил литургию раньше и быстрыми шагами – а он был рослый человек – пошагал на запад. Святой Павел, положившись на волю Божью, благоговейно отслужил литургию, неторопливо выслушал благодарственные молитвы и пошел, непрестанно произнося устами имя Сладчайшего Иисуса, навстречу сопернику. Он был гораздо меньше по росту, и поэтому граница разделила монастырские земли достаточно неравномерно. До сих пор самый крупный святогорский землевладелец – Великая лавра. Свя-

той Павел, несмотря на хитрости Афанасия, смиренномудро признал эти границы, и бывшие соперники стали друзьями. И в наши дни паломники, пробирающиеся лесными тропками в лавру, могут видеть лежащее на пути огромное каменное четвероевангелие, которое долгие годы служило пограничным столбом.

Димитрис распутывал сети с двумя веселыми монахами. Рыбы попалось не так уж много, с трудом набралось две больших кастрюли, в основном, кефаль и скумбрия. Старик пытался оправдываться, дескать, погода дождливая и ветер северо-восточный, да и место для закидывания сети было не самое благоприятное, но никто его не слушал. Они работали в большом ангаре, где стояли рыбакские катера; компания подобралась подходящая. Димитрису приходилось рыбачить и с другими, которые почти не разговаривали и бормотали под нос молитву, такая компания была куда скучней. А эти ребята, напротив, любознательные, и им все равно, сколько рыбы было в сетях.

Монашеское восприятие действительности было совершенно другим, чем у старика, который прожил все годы в большом городе и питал в себя дух рыбакской среды и прибрежных кафе. Вся его жизнь крутилась вокруг улова – чем больше он поймает, тем сытней будет стол. В миру царил принцип «волка ноги кормят», и царство его было – прочнее некуда.

Психология монаха была, с точки зрения мирянина, гораздо проще – им не приходилось голодать или думать о хлебе насущном. Они выполняли послушание, и не было существенной разницы, сколько они изловят рыбы. Самое главное в греческом монастыре – это выполнять программу. То есть, все должно быть в свой черед – делу время, как говорится, и молитве час. Бывало, старец, когда начиналась вечерня, благословлял трудящихся монахов бросать работу и оставлять материалы под дождем, который, залив сухой цемент и свежую кладку, запросто мог испортить весь дневной труд. Но игумен воспитывал их строго. Программа есть программа. Поэтому насельники монастыря, в отличие от старика, большого разочарования от маленького улова не испытывали, как, впрочем, и радости от удачного. Димитрис уже начал понимать это и слегка расслабился. Монахи перебрасывались шутками, и самый старший, которому в октябре должно было стукнуть тридцать четыре, смеясь, рассказывал рыбакам о своем приключении на море:

– Так вот, отцы, тогда как раз разыгралась фортуна… – (Фортуной в Греции прозвали сильный южный ветер, который всегда нагонял большую волну. Когда фортуна набирала силу, никто не рисковал выйти в море – погибнешь.) – Волна поднялась до рекордных размеров, и я с другими молодыми послушниками решил посмеяться над стихией. Мы стали прыгать на пристани, и когда волна приливалась к берегу, мы, глумясь над морским дьяволом, отбегали в сторону, а затем возвращались и дразнили судьбу… или даже искушали Бога. Было весело, адреналин опьянял и толкал на еще больший риск. Мы стояли у мокрой стены склада до самого последнего момента, когда огромный вал водяной толщи готов был обрушиться на наши головы. Неожиданно один из нас подбежал прямо к краю волнореза и начал куражиться. Вода медленно набирала силу, и когда наш отчаянный приятель, одумавшись, наконец, решил бежать, волна рванула к берегу и накрыла его. Мы так были заворожены этим, что и оглянувшись не успели, как волна заграбастала и нас. Старик рассмеялся:

– Глупее поступка трудно придумать. Лезть под штормовую волну!

– Вот-вот. После этого случая я два года не мог подойти к морю. Тогда я, честно говоря, думал, что наши жизни, столь нелепо и глупо, закончены. Когда наши головы показывались на гребне, мы самым жалким образом пытались перекричать рокот морских волн. Какой-нибудь зоркий человек с берега смог бы различить, как в фиолетовой пучине плавают три футбольных мяча. На наше счастье, именно такой проницательный рабочий вышел полюбоваться стихией; кстати, он был рыбак. Заметив трех бахромающихся в бушующих волнах послушников, рабочий поднял шум, и нас через двадцать минут вытащили.

– А как вас могли вытащить?

– О! Это долгий рассказ. Честно говоря, наши силы были уже на исходе, человек ведь не поплавок, и я уже попрощался с мамой, монастырской братией, отцом игуменом и… Ну, в общем, со всеми. Когда нас, словно новорожденных щенков, вытянули из воды, где нас хотел утопить злобный старик Посейдон, я, например, чувствовал себя заново родившимся. Потом, уже на следующий день, один иеромонах глядел в святцы, и какого было его удивление, когда он увидел, что в день нашего приключения, помимо других святых, праздновалась память очень редкой иконы Матери Божьей «Спасение утопающих».

– Во дела! – Димитрис за всю свою жизнь в миру не слышал о стольких чудесах, как за два месяца рыбалки на Афоне.

– Я нашел эту икону в одном православном журнале и теперь всегда ношу ее с собой, – отец Агапит показал всем заламированную икону, и монахи продолжили распутывать сети. Теперь и они желали услышать что-нибудь полезное из уст старика. – Слушай, Димитрис, а ты видел морского дьявола?

– Никогда. Я слышал, что один рыбак с Кассандры однажды, ранним пасмурным утром, встретился с ним нос к носу, когда трал заклинило и невозможно было буксировать, он остановил катер, посмотрел вниз, чтобы выяснить, в чем причина задержки, и прямо остолбенел. Морской дьявол схватил трал своими щупальцами и тянул в пучину. Тогда рыбак побежал в кабину, вытащил карабин и стал стрелять. Спрут ослаб, зыркнул своим громадным глазом и скрылся в зеленых водах. Но я, честно говоря, не очень этому верю, потому что тот парень большой любитель похлебать винца. Мало ли что померещится спяну? – старик сплюнул и осторожно вытащил из сетей длинную дракину. Эта рыба имела три ядовитых шипа на спине, их укол мог быть очень опасен для людей со слабым сердцем; Димитрис осторожно вырвал эти шипы и бросил рыбу в кастрюлю.

– А я вот прочитал в дневниках одного брата, что морской дьявол, в прошлом веке, чуть не затащил его в глубины залива, – Агапит был еще и монастырским библиотекарем. Он часто копался в архивных бумагах и знал много различных историй. – Тот монах, как и мы, рыбачил у берегов Афона на простой лодке, и вдруг, когда он вытаскивал сети, на него набросился огромный спрут и, схватив брата огромными щупальцами, потащил его вниз, в пучину. Видимо, в то время такие нападения были не в диковинку, и каждый рыбак знал правила поведения при встрече с морским дьяволом. Монах не бился, как сумасшедший, в лапах чудовища, потому что чем больше ты сопротивляешься спруту, тем сильнее он сжимает тебя в своих объятьях. Он, напротив, обмяк, притворившись мертвым. Спрут, подумав своей глупой головой, что жертва погибла, ослабил хватку, и монах, воспользовавшись моментом, вытащил из сапога нож и с силой вонзил его морскому дьяволу в огромный единственный глаз. Спрут пошел ко дну, на корм для рыб, а монах выплыл на поверхность и забрался в лодку, непрестанно хваля Бога.

– По-по-по! Это был смелый монах! – Димитрис восхищенно поцокал языком. – Я бы, наверное, совсем бы растерялся при таком нападении. Однажды меня ударил хвостом по ноге электрический скат, так я две недели лечился различными травами и мазями. Потом некоторое время боялся каждой рыбины, – старик вдруг вспомнил то, что он уже давно хотел спросить у этих ученых монахов. – Послушайте, а почему раньше, как можно вычитать из книжек, земля была полна разных диковинных тварей – единорогов, драконов, морских дьяволов, а сейчас никого из тех животных не осталось?

Агапит немного поломал голову и, наконец, пробормотал:

– Не знаю. Может быть, они и существуют, но вот только мы не можем их больше видеть…

Рыбаки распутали сети, взяли рыбу и пошли в монастырь: монахи – готовиться к вечерне, а Димитрис хотел приготовить себе котелок наваристой ухи. Солнце уже покраснело и собралось уйти за гору. Старик посмотрел на зеленую громаду Афона и улыбнулся. Он опять почув-

ствовал себя ребенком, слушающим сказки, которые рассказывала ему бабушка при свете свечи.

Он помнил, как, закрывая глаза, представлял себе сказочный мир. Под монотонный нежный голос бабуси набирало силу воспоминание об утерянном рае. Это была гористая земля, по которой протекала глубокая, но не широкая река. Он плыл по направлению ветра на красивой длинной лодке с косым парусом. В этой сказке все вокруг было живое, даже камни, деревья и сама река. В воздухе веяло неуловимой свежей мечтой, жаждущей воплощения в чьей-нибудь судьбе. Каждая тропа здесь вела к вечной радости, и каждый шел к ней по своей, особенной дороге. Изобилие жизни в каплях утренней росы и вечернем ветре. Он сам был и частью этой земли, и ее полнотой, был ее порождением и, в то же время, творцом. Маленький Димитрис тогда не задумывался о вечной жизни, он просто знал, что существует на земле благодаря великому ветру, который не виден, но все им приводится в движение. Шли годы, и суровая правда жизни вытеснила из сознания ту сказочную страну. Приходя к гробнице своей бабушки, Димитрис теперь уже старыми морщинистыми руками отирал пыль с памятника, думая, что время – именно та река, по которой плыла его лодка, она имеет своим истоком сказочную страну его детства, а куда она, в конечном итоге, вольется, это зависит только от нас. Какой-то внутренний голос всегда говорил ему: «плыви в направлении ветра».

Димитрис обычно старался погасить этот голос, дела этого мира своей серьезностью и злободневностью подавили все мечты духа. Но в самые напряженные минуты своей жизни он вдруг с удивлением понимал, что эти детские переживания перед лицом смерти гораздо влиятельней любого мирского опыта. Особенно он осознал это, когда лег в клинику доктора Далмакиса на операцию; неожиданно он ощутил себя беспомощным, поняв, что ничего не знает о самом главном – смерти, а значит, ничего не знает и о жизни.

Афон чем-то напоминал Димитрису ту сказочную страну, может быть, потому, что здесь жили люди, которые были своеобразными знатоками вечных вопросов. Мирские люди обычно откладывают разрешение этих вопросов на самый последний, в буквальном смысле, день, и момент смерти у них проходит неосознанно. Монахи же очень часто вспоминают смерть, которая трактуется как переход в последующую жизнь, приобретая особое к ней отношение. Некоторые старцы даже желают быстрее упокоиться от мира. Это смелое простое отношение подкупало Димитриса, который сам побаивался смерти. Как птица, падающая с ветвей, замерзнув от неожиданной стужи, безропотно и тихо погибает, так и монах подчиняется приходу смерти как естественному закону жизни. Он словно засыпает, без нашей мирской тревоги и душевных метаний.

Димитрис сварил уху и угостил своего соседа по комнате – пожилого трудолюбивого румына, который на ломаном греческом нахваливал рыбную трапезу. Он устал и лег отдохнуть, утром нужно было снова идти на рыбалку.

На следующий день румын обнаружил, что старый рыбак странно лежит на своей постели, его правая рука была откинута, и на лице была печать такой безмятежности, какую никогда не встретишь у живого человека. Румын безуспешно попытался растолкать своего соседа и, осознав, что произошло, всплакнул и пошел искать благочинного. Благочинный позвал врача, который зафиксировал смерть от внезапной остановки сердца. Монахи отслужили литию, позвонили родственникам усопшего и думали, как бы переправить старика в Салоники. Была жара, и решили вызвать рефрижератор, в котором обычно возили рыбу. Все жалели доброго рыбака, но считали, что его кончина на Святой горе служит знаком благоволения к нему Матери Божьей.

Несколько часов назад Димитрис видел сон: он плыл на красивой длинной лодке с косым парусом, маленьким мальчиком, по узкой, но глубокой реке, и бабушка читала сказку, ее слова вплетались в плоть камней и корни чудесных деревьев.

Голос дорогой бабуси говорил устами сказочного волшебника: «Плыви в направлении ветра!»

Димитрис поправил парус и поплыл навстречу восходящему солнцу.

Украденные мощи

Острота зрения всегда была моим достоинством, я могу видеть, словно кошка, даже в темноте. Хорош у меня и слух – на расстоянии пятидесяти метров я слышу слова спокойно беседующих людей так же легко, как вы, к примеру, их крики. Если искусно пользоваться этими природными преимуществами, можно многое достичь.

Но в жизни бывает и так, что наши достоинства делают из нас злоумышленников. Вот и я, который был, в общем-то, неплохим парнем, встал в юности на кривую тропу преступлений.

Мы с лихими друзьями воровали, не задумываясь о будущем и не боясь возможного наказания, пока один достойный упоминания случай не произошел со мной и не вырвал из этого несчастного болота, что зовется воровством. Мне хочется, чтобы кто-нибудь, с похожей на мою судьбой, прочел это повествование и, может быть, уберег себя от моих ошибок.

Сам я вырос в небольшой греческой деревушке на берегу моря. С самого раннего детства я учился любить море, ловить рыбу и глубоко нырять. Вместе с отцом добывал я с диковинного морского дна прекрасные раковины и кораллы, которые позволяли нам не умирать с голоду и даже жить, по сравнению с другими селянами, достаточно неплохо. Возможно, я бы и не стал преступником, но в нашей семье случилось горе – мой добрый отец неожиданно скончался, и я постепенно попал под влияние очень дурной компании. Но то, что она была дурная, я понял лишь спустя несколько лет, а первоначально они – мои новые друзья – казались мне благородными разбойниками, и мне нравился их веселый и шальной образ жизни.

Главой нашей шайки был Георгиос – молодой и очень дерзкий парень, способный постоять за себя и даже за нас, своих меньших друзей. После того как я вошел в круг его близких знакомых, никто из сельских хулиганов не смел даже приближаться ко мне, боясь расправы Георгиоса.

Он учил нас тому, что хорошо умел сам, – воровать и мошенничать, наши детские сердца и умы быстро впитывали эту нечистую науку, позволяющую жить весело и безбедно. Подростки ведь не представляют всей тяжести последствий, неизбежно настигающих злоумышленников. Особенно, из всей остальной шпаны, наш вожак приблизил к себе меня за зоркий глаз и чуткий слух, а также за природную смелость и любовь к рискованным авантюрам.

Он стал брать меня на самые опасные дела, и мы серьезно занялись контрабандой оружия. У меня стали водиться деньги, я обнаглел и стал дерзок с людьми. Мать уже не бранила меня за мой промысел, но всегда осуждающе глядела, когда я уходил на встречу со своими дружками. Она была глубоко верующим человеком и часто молилась перед нашей родовой иконой Божией Матери Кикской, чтобы я, наконец, исправился и встал на путь истинный. А я, человек, потерявший совесть и закопавший в землю собственное сердце, не унимался и все больше преуспевал в своем преступном ремесле.

Но в жизни обязательно настает момент истины, когда ты должен окончательно выбрать свой путь: либо ты еще больше погрязаешь во зле, либо, не сумев переступить некую черту, оставляешь злые дела и обращаешь свои глаза к свету. Мой момент истины наступил так.

У Георгиоса была одна всем известная сердечная страсть, он положил глаз на племянницу богатого, но очень нехорошего человека. Может быть даже, это была и не простая страсть, а настоящая любовь, я сейчас, по своей тогдашней незрелости, ничего не могу сказать точно. Он часто, изнемогая от гнетущего чувства, стоял под ее окном и ждал, когда Лариса – так звали эту девушку – взглянет на него.

Она, как мы все видели, отвечала ему взаимностью, или, по крайней мере, испытывала к его личности неподдельный интерес, но их женитьба казалась делом несбыточным, слишком уж разных кругов они были. Этот ее дядя, толстосум по имени Петрос, был жадным ростовщиком и пользовался нашей сельской нищетой, чтобы еще более увеличить свои богатства.

Георгиос был, конечно, удальцом, но все же человеком без будущего, он ничего не знал, да и не хотел знать, кроме воровства. Георгиос имел с богачом какие-то дела, а тот, будучи хорошим психологом, видел, какое впечатление его племянница производит на молодого контрабандиста. Но он не только не пытался унять эту страсть, но, напротив, поощрял ее, чтобы использовать Георгиоса в своих мрачных делишках.

Однажды Георгиос пришел к условленному месту на берегу моря в очень плохом настроении. Он печально глядел на воду и бросал в волны камни. Тогда я спросил своего старшего друга:

– Георгиос, что случилось? Я смотрю, сегодня ты сам не свой.

Наш вожак не любил, когда ему лезут в душу, но в этот раз не сдержался и пожаловался на богача:

– Эх! Петрос вроде пообещал выдать за меня племянницу, но взамен я должен сделать кое-что очень нехорошее. Я боюсь, что, если соглашусь, произойдет нечто страшное, но ведь и не согласиться я не смогу. Слишком сильно я люблю мою Ларису.

– И что этот богатей от тебя хочет? Неужели тебя чем-то можно смутить?

Георгиос с видимым отвращением поморщился и строго посмотрел на меня:

– Только ты, дружище, сделай одолжение, ничего и никому не говори.

– Договорились. Буду нем как рыба.

– Хорошо, ты мне как брат, и я знаю, что мой брат ничего и никому не скажет, – Георгиос тяжело и с болью вздохнул. – Короче, Петрос хочет, чтобы я украл ему с Афона, прямо из монастыря Дионисиат, руку святого Иоанна Предтечи.

– По-по-по. Матерь Божья! Ведь это же настоящее святотатство.

– Вот! И я о том же! – Георгиос с гневом метнул в воду большой плоский камень. Луна освещала море, и было видно, как камень лягушкой проскакал по воде несколько раз, пока не ушел на дно.

– Слушай, Георгиос, а зачем ему эта рука? Продать, что ли, хочет?

– Нет, он, видите ли, желает замуровать моши в стену своего нового дома, того, что строится на пригорке. Думает, что так избавится от страха, который гложет его скромой дух уже долгое время. Когда-то, много лет назад, одна еврейка из Салоников на колдовских картах Таро нагадала Петросу, который в то время был простым банковским клерком, что тот умрет страшной смертью – сгорит в пламени собственного дома. Петрос очень боится этого предсказания и верит, что, если он замурует в стену дома святые моши, Бог не сможет допустить, чтобы его дом сгорел.

– Ну и дела! Матерь Божья! Возможно ли такое?!

– Не знаю. Он почему-то хочет именно эту руку. Видимо, думает, что такая святыня избавит его от этого страшного проклятия и даст спокойно умереть в старости, – Георгиос вдруг с сердечной теплотой сжал мою ладонь. – Если я решусь на это дело, ты пойдешь со мной?

Я посмотрел ему в лицо:

– Георгиос, если для тебя это так важно, я с тобой.

– Для меня это важно!

– Тогда давай все спокойно обсудим. Пойдем на дело только вдвоем, чтобы не привлекать ничьего внимания. Если селяне узнают про это, они нас накажут за святотатство. Я думаю, что Бог, в отличие от людей, может простить нас. Он ведь знает, что ты пошел на такой отчаянный поступок не из-за денег, а ради любви.

– Спасибо тебе, друг!

Я уже тогда обладал недетской смекалкой и предупредил Георгиоса:

– Ты знаешь, что Петрос нечестный человек. Уверен ли ты, что он отдаст тебе Ларису, а не обманет каким-либо образом? Тебе нужны гарантии.

Лицо Георгиоса стало на мгновение очень жестоким:

– Если Петрос обманет меня, я убью его. После такого святотатства придавить сельского кровопийцу будет для меня совершенно плевым делом. И я уже дал ему это понять. Конечно, он совершенно не хочет отдавать за меня свою племянницу, но страх сгореть заживо в нем так велик, что пересиливает даже отвращение ко мне и любовь к Ларисе.

Итак, мы договорились обо всем и разошлись по домам.

Через неделю мы плыли на старой рыбакской барке, на которой обычно перевозили контрабанду. Море было на удивление спокойным, и луна – светило воров – освещала нам путь. Дионисиат находился почти в центре полуострова, на небольшой возвышенности. Наши сердца трепетали от страха перед Божиим наказанием, которое, говорят, не раз настигало святотатцев. Ведь, несмотря на нашу несчастную судьбу, мы все же родились и выросли в верующих семьях, с молоком матери впитали уважение к православным святыням. С детства священники пугали нас различными историями реальности гнева Божьего. И даже мы, контрабандисты, перед выходом в море всегда ставили свечи святому Николаю Чудотворцу.

Есть поступки, которые нельзя исправить. И мы прекрасно понимали, что, возможно, сейчас мы совершим именно такой поступок. Но воровская звезда вела нас к возмездию, от которого не сможет уйти не один преступник на земле. План будущего ограбления мы составили грамотно, даже можно было сказать, профессионально, если воровство можно назвать профессией. Петрос дал нам подробный план Дионисиата, проникнуть в который было делом трудным, но не безнадежным.

Рука святого Иоанна Предтечи хранилась в небольшом храме – параклисе; нужно было открыть несколько дверей и найти ковчег со святыми мощами самого Крестителя Господня. И, наконец, самое сложное – нужно было переступить через свои страхи и частицу, возможно, самую главную, самих себя.

Вот мы и причалили к святому берегу – не как благочестивые паломники, а как бесчестные воры, намереваясь украсть самую почитаемую святыню этого древнего монастыря. Георгиос вообще трепетал, как осенний лист. Это было настолько нетипично для такого лихого удальца, что мне и самому стало не по себе. Тем более, я знал нечто, о чем услышал, спрятавшись вчера у дома богатого Петроса. Он тогда разговаривал со своей племянницей о ее будущем и убеждал отказаться от мысли связать свою судьбу с Георгиосом:

– Как ты будешь с ним жить? Шататься по морю, торгуя оружием? Да на этом шалопае клеймо негде ставить, и по нему давно уже плачет тюрьма.

Георгиос, когда я попытался пересказать ему этот разговор, нервно играл желваками и бешено смотрел мне в глаза. Он не только не хотел слышать про коварство Петроса, но и пытался убедить меня, что он не позволит старому ростовщику обмануть его. Я, тем не менее, чувствовал какую-то непонятную тоску, похожую на плохое, но верное предчувствие.

Монастырь Дионисиат почти ничем не отличался от других святогорских обителей – большие стены, образующие квадрат, и внутренний дворик с кафоликоном – соборным храмом. Главная порта⁵ была практически неприступна – огромный чугунный замок мог преградить путь не только парочке воришек, но и маленькой армии. Также, по идеи, где-то там, возле порты, должен был бодрствовать привратник.

Мы выбрали другой путь и с помощью крюка и веревки проникли внутрь монастыря через окно. Ловкими движениями рук, словно обезьяны, мы добрались до окна в коридоре и открыли его одной из имеющихся у нас в запасе отмычек.

Дальше нужно было попасть в параклис. Мы были опытными ворами и сравнительно легко открыли все остальные замки. Георгиос постоянно крестился и жалобно просил Бога о помиловании. В параклисе мы очутились среди множества самых разных мощей. Найдя большой серебряный ковчежец в виде руки, мы открыли его и достали святые мощи Иоанна Пред-

⁵ Святые врата монастыря.

течи. Это была нетленная левая рука – она благоухала и источала благовонное миро. Георгиос, дрожа всем телом, завернул это храмовое сокровище в заранее приготовленную простыню, и мы, заперев, по возможности, все замки, таким же образом покинули тихую монашескую обитель.

Оказавшись в барке, мы оттолкнулись веслами от берега и осторожно отплыли, но с третьей заметили, что небо теперь затянулось подозрительными облаками. Все в природе предвещало грозу.

На расстоянии ста метров мы повернули барку на север. Ночь, разгулявшись, требовала продолжения пира зла, ей было мало совершенного нами разбоя. Море начало волноваться, Георгиос запаниковал. Он вдруг схватился за голову и закричал:

– Не надо, не мучь меня! – он будто бы обезумел от того, что сделал, и перестал нормально реагировать на происходящее.

Я, стараясь перекричать ветер, спрашивал его:

– Что такое, Георгиос? Что случилось? Он не отвечал и продолжал стонать и метаться, а тем временем шторм все крепчал, южный ветер нагонял фортуна. В таких случаях мы с отцом всегда молились святому Иоанну, который слышал молитвы и часто укрощал даже самую свирепую бурю…

Я вдруг вспомнил, что святой Иоанн Предтеча, чьи моши мы только что украли, был верным покровителем моряков, подавал попутный ветер и хороший улов. Из моей груди вырвался нервный смех:

– Ну, мы влипли!

У Георгиоса началась уже настоящая истерика, чувствовалось, что он переживал какой-то сильный ужас, быть может, ему даже было видение. Он не мог больше грести, продолжая причитать и обеими руками держаться за голову. Волна подымалась большая, и делать было нечего – я решил вернуться к афонскому берегу. Попробуем добраться пешком до Уранополи, а там наймем бричку и поедем в родное село. Я сказал о своем плане совершенно подавленному Георгиосу. Он не противоречил мне, и я погреб обратно на Афон. Барку, конечно, придется бросить, но у нас не было другого выхода; надеюсь, местные рыбаки не узнают нашу посудину.

Я причалил где-то возле пристани болгарского монастыря Зограф. Георгиос, выйдя на берег, неожиданно воздел руки к штормовому небу и упал всем телом на холодную гальку. Он прохрипел что-то о прощении и возмездии и замер в отчаянном оцепенении, словно ожидая от будущего и того, и другого. Так прошло минут пять – он лежал на мокрых камнях зловеще и неподвижно. Я не хотел верить происходящему.

Придя в себя, я стал расталкивать его, но тщетно – мой старший друг был уже мертв. Сердце контрабандиста остановилось, да простит его Господь Бог. Для меня это было страшным доказательством того, что кара Божия настигает святотатцев.

Сначала меня охватили жалость и сострадание к храброму парню, но потом сознание захлестнуло ужас: ведь возмездие Господне может настигнуть и меня, святотатство совершили мы вместе. Печальный конец влюбленного Георгиоса, конечно, заставлял задуматься и о моей собственной судьбе. Страх набирал обороты, и я понял: несмотря ни на что, я оставлю руку Иоанна Предтечи на Афоне.

Мне становилось все хуже, и я упал на колени, прося Матерь Божию остановить висящий надо мною праведный меч возмездия. Я плакал и умолял, обещая оставить свои преступные дела и с этого времени ходить в церковь, проводя нормальную благочестивую жизнь, как было издавна заведено в нашей семье. Так прошло достаточно времени, мы с Георгиосом лежали ниц: он – уже покойник, я – полуживой от страха, а между нами – святая рука Иоанна Предтечи. Я четкочувствовал в тот момент, что мое сердце, как и судьба, взвешивались на праведных весах Божиих, и именно Иоанн Креститель должен был определить – жить мне или умереть. Все зависело от того, на какую чашу весов святой положит свою нетленную руку.

Наконец, спустя час или около того, я неожиданно почувствовал облегчение и поднялся с колен. Начинался ливень, и нужно было бежать от этого места, потому как скоро монахи должны встать на молитву и обнаружить пропажу святых мощей.

Я аккуратно положил тело Георгиоса в барку, которую хорошо зажорил к берегу, а рядом, с левой стороны, поцеловав, оставил и святую руку. На палубе нашей контрабандистской барки я выложил из камней имя почившего Георгиоса и просьбу, чтобы за него, грешного, молились на Афоне. Затем, окинув взглядом эту печальную картину, которую освещала вновь вышедшая из-за облаков луна, я побежал на север...

В нашем селе многие обрадовались смерти Георгиоса; все узнали, что он хотел украсть руку святого Иоанна, и хулили его как безбожника и вора. Мы, как его близайшие приспешники, также получили свою долю общественного порицания. Наше преступное дело постепенно захирело и пришло в настоящий упадок.

Мать, наконец, получила ответ на свои теплые к Богу молитвы – она видела, что я стал более религиозным и оставил свои преступные замашки. Она даже написала своему брату Никосу в Салоники, который имел свое дело – пекарню и булочную, с просьбой принять участие в моей судьбе. Он обещал взять меня себе в помощники, если я начну регулярно ходить в церковь и не буду больше хулиганить.

Я дал обет быть примерным и стараюсь хранить его – свою жизнь до сих пор я выстраиваю по принципам христианского благочестия. Я регулярно исповедуюсь и причащаюсь Святых Тайн. Особое почитание оказываю святому Иоанну, который и вытащил меня своей рукой из болота греха. За Георгиоса я также молюсь и подаю милостыню за упокой его бедной души; мне почему-то верится, что когда-нибудь и он обретет покой на небесах.

Перед отъездом к дяде Никосу мне удалось переговорить с бедной Ларисой. Она догадывалась, из-за чего погиб Георгиос, и не находила себе места от глубокой скорби.

Она расспрашивала меня во всех подробностях, что именно Георгиос сказал перед своей не очень-то благой кончиной.

– Отвечу тебе так, Лариса, – он умер христианином там, на Святой горе. Георгиос знал, что заслужено принял смерть, и молил лишь о том, чтобы Господь избавил его от вечного мучения в аду. Я думаю, что он может спастись, если все мы станем за него усердно молиться.

Девушка ничего на это не ответила, попросив только, чтобы я не говорил другим, что в этом был замешан ее дядя, поправила белокурые волосы и, попрощавшись со мной, печально пошла к морю, несущему свои волны к нашему берегу. Больше я ее никогда не видел. Как потом говорили в деревне, она сбежала от своего дяди в Америку в поисках свободы и лучшей доли. Я часто, вспоминая те дни, думаю о ней. Никто не знает, что с ней произошло в дальнейшем, но я надеюсь, что она нашла свое призвание и счастье.

Старый Петрос оставил всякие попытки добыть руку святого Иоанна и замкнулся в своем тесном мирке. Его новый шикарный дом без племянницы и с предсказанной ему страшной смертью стал для ростовщика настоящим адом еще здесь, на земле.

Как не трудно предположить, однажды его усадьба неожиданно вспыхнула среди ночи. Она находилась вдали от остальных сельских домиков, поэтому селяне не успели со своей помощью. Когда они прибежали с ведрами воды, лопатами и лестницами, дом уже догорал. Он сгорел вместе с хозяином, унесшим в могилу долговые расписки многих и многих жителей наших окрестностей.

Может быть, этот факт милосердный Господь вменит ему в добровольную милостыню и даже он когда-нибудь обретет покой перед престолом Всеизвестного.

На этом я и хотел закончить свою печальную историю. Если кого-нибудь она тронет, заденет за живое, прошу помолиться за тех людей, что в ней участвовали. Я же, в свою очередь, прошу в своих молитвах следующего:

– Милосердием Божиим да обрящем мы, хорошие и не очень, праведники и грешники, милость Христа Бога нашего и пребудем все вместе в Его обителях, но только все вместе, чтобы радость наша стала полной. Чтобы смерть умерла сама, и все зло развеялось бы, как предрассветная дымка, что так часто появляется в утренние часы над морем и безвозвратно рассеивается.

О море, ждущее, когда в него выплынут рыбацкие баркасы, оно скоро осветится первым лучом солнца, и начнется новый день, который – как мы верим – будет гораздо лучше, чем предыдущий. И эта наша вера в светлое сама является светом, способным озарить мрак нашего существования в любых обстоятельствах, даже самых мрачных. Просто эту веру мы должны приобрести, выстрадать, потерять и найти вновь, а после этих испытаний она всегда останется с нами, согревая наши уставшие в битве со всем миром сердца огнем божественной благодати.

Илья

Как я потом узнал, его звали Илья. Он был одет в старый, давно не стираный подрясник, кожаные сандалии и новенькую кепу⁶, его руки никогда не выпускали засаленных четок.

Глаза его лучились мягкой, почти женской добротой и отражали мир с особым блеском, на что способны только глаза часто плачущих людей.

Он жил на Святой горе. Переходя с места на место, Илья пел византийские гимны, не наблюдая времени и приличий. Иногда туристы из соседних келий не могли уснуть и делали Илье замечание, что для пения есть день. Он всегда реагировал с видимым раздражением и петь не переставал. Архондариные хорошо знали Илью и советовали туристам не конфликтовать с ним и смириться с обстоятельствами, напоминая им, что они живут не в отеле, а в монастырской гостинице. Последний довод был для туристов наиболее понятен. Для Ильи же никакие доводы не были понятны, и после нескольких словесных баталий все афонские архондариные от него отстали. Осознав его твердолобость, они жалели всех пытающихся смирить Илью, который был либо уже излишне смиренным, либо духовно больным, не способным к какому-нибудь преуспению. Он не терпел никаких обличений, но зато сам всех обличал, как простых людей, так и монахов, прибывающих или живущих на горе, в отсутствии благоговения, в жадности и жестокосердии и других грехах и нечистых помыслах.

Он не прибегал к мудрости Соломона, советующего не обличать злых, и от него доставалось всем поровну, как добрым, так и не очень. Справедливость торжествовала. Людской любви, сказать прямо, это ему не прибавляло, но он, видимо, и не искал ее.

Некоторые святогорцы любили Илью, другие ненавидели, иные презирали, кто-то уважал его, но сам он всегда скрывал истинное ко всему и всем отношение.

Конечно, он был нездоровым на голову, юродивым, но если Илья и был свят, то так успешно это скрывал, что ни один, даже самый проницательный, человек не мог этого заметить.

Раньше он жил нормальной мирской жизнью – был пожарным, тушил дома и административные здания. Однажды он даже спас из пламени маленького мальчика, который испуганно схватил его за шею и уткнулся носом в его обгоревшее плечо. Балки и перекрытия, охваченные пламенем, осыпались после того, как он сполз по пожарной лестнице на тротуар. Мальчик потерял весь свой маленький мир, но, благодаря доблести Ильи, приобрел жизнь – дар, который невозможно оценить за короткое время.

Смелый пожарный на один день стал героям, про него даже написали в местной газете; но уже на второй день коллеги забыли этот смелый поступок, на третий – его выпустил из памяти и спасенный мальчик, которого забрала к себе любящая бабушка и отпаивала молочком, стараясь заглушить его душевную боль. Мальчик не думал, что он мог тогда умереть, его больше занимал вопрос, почему именно с ним случилась эта трагедия.

Илья не переживал, что его геройский поступок так быстро был предан забвению, но в очередной раз убедился, что для каждого дня ценные лишь его события. Он не любил читать, но жизнь открывала перед ним богатую книгу бытия, из которой он черпал свои знания. Эти знания несколько отличались от всего, чем жили окружающие. В его сознании появилась трещина, которую психиатры, когда ставили диагноз, называли ментальной причиной текущего расстройства личности. Со временем эта трещина расколола его сознание на две половины, из которых он одну полюбил, а другую возненавидел.

Семья пожарного ничем не выделялась среди других греческих семей – жена, которая работала учительницей, как всегда, ждала его вечером после работы; старший сын гулял по улице и бил стекла из рогатки, младший плакал в своей кроватке, Илья приходил домой, раз-

⁶ Головной убор.

девался и за ужином читал газеты. Тот номер, прославивший его на один день, Илья хранил в письменном столе и показывал во время домашних посиделок. Он казался воплощением покоя и эталоном домоседов.

Но что-то в нем неожиданно изменилось, пожарный стал набожным, и в то же время он стал чудить и с виду тронулся умом. Как будто в голове у него сломался важный тумблер и внутреннее зеркало перестало правильно отражать предметы этого мира. Илья перестал нормально разговаривать с людьми, оскорбляя их без видимой причины и сердился, когда к нему приставали с расспросами. Также он перестал обращать внимание на правила человеческого общежития и говорил сам с собой, отмахиваясь от воображаемых противников, не стесняясь вольных или невольных свидетелей его помешательства.

Когда он начал меняться, пожарные, коллеги его по работе, пытались его напоить, считая, что вино – лекарство от всех душевных недугов, затем побили его за то, что он спрятал их ранцы. Когда он сделал это во второй раз, его уволили, не поминая прошлых заслуг. Затем процесс социальной деградации пошел по нарастающей. Дети стыдились своего чудного папы, а жена хотела сдать его в психиатрическую лечебницу, чтобы врачи помогли ее мужу снова стать нормальным. Но Илья не унимался, часто ходил в церковь и пел на клиросе; денег ему не платили, безумие не проходило, поэтому жена, разочаровавшись в своей семейной жизни, забрала детей и уехала в Афины к родителям. Но бывший пожарный, казалось, не переживал, что его жизнь так сильно переменилась.

Илья стал настоящим городским сумасшедшим и бродил по улицам, напевая песнопения, служа мишенью для насмешек порядочных граждан и камней озорников. Мальчишки обстреливали его достаточно регулярно, чтобы он тратил свою пенсию на врачей, и, что особенно травмировало его душу, среди хулиганов изредка попадался и спасенный им из пламени парень. Мальчик считал, что Илья зря спас его; в доме бабушки он совсем отился от рук и стал воровать конфеты из магазинов; его жизнь после спасения коренным образом изменилась, но ему не приходило в голову, что она изменилась все-таки после самого пожара. Каждым брошенным камнем мальчик мстил пожарному за то, что его родители погибли, а он остался со своей разбитой жизнью и должен мириться с этой несправедливостью. Он оценивал этот дар, переданный через чумазого пожарного, чрезвычайно низко, перечеркивая весь смысл его геройского поступка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.